

В. А. Пономаренко

ЭЛЕКТРОННОЕ ГРАЖДАНСКОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО В РОССИИ

ШТРИХИ КОНЦЕПЦИИ

монография

**ПРЕДПОСЫЛКИ ВНЕДРЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ГРАЖДАНСКОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ И ЕГО СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ**

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС КАК ЭЛЕКТРОННАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ СИСТЕМА ОБРАБОТКИ ИНФОРМАЦИИ

**ДОСТУП К ГРАЖДАНСКОМУ СУДОПРОИЗВОДСТВУ В РЕЖИМЕ «ОДНОГО ЭЛЕКТРОННОГО ОКНА»:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ, ПРЕИМУЩЕСТВА И МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ**

**ВНЕТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ПОДСУДНОСТЬ ЭЛЕКТРОННЫХ ДЕЛ
И ИХ АВТОМАТИЧЕСКОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ МЕЖДУ СУДАМИ ПО ПРИНЦИПУ СЛУЧАЙНОЙ ВЫБОРКИ**

ДЕПЕРСОНФИКАЦИЯ СВЕДЕНИЙ О СОСТАВЕ СУДА

Василий Александрович Пономаренко

Электронное гражданское судопроизводство в России: штрихи концепции. Монография

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21535933

Издательство ООО "Проспект"; 2015

ISBN 9785392177950

Аннотация

Гражданский (арбитражный) процесс по конкретному делу рассматривается автором в качестве коммуникативной системы обработки информации. В монографии дается общая характеристика этой системы и содержится концептуальное обоснование ряда оригинальных авторских предложений, направленных на борьбу с коррупцией, а также на ускорение и упрощение доступа к правосудию: деперсонификация сведений о составе суда; введение внегосударственной подсудности электронных дел и их автоматического распределения между судами по принципу случайной выборки; учреждение единого портала гражданского судопроизводства в целях обеспечения доступа к правосудию в общих и арбитражных судах в режиме «одного электронного окна» и некоторые другие. Работа

рассчитана на студентов, аспирантов, преподавателей высших юридических учебных заведений, а также юристов-практиков, интересующихся прикладными проблемами гражданского и арбитражного процессов.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ВВЕДЕНИЕ	10
Глава I	16
§ 1. Теоретические предпосылки внедрения электронного гражданского судопроизводства в России	16
Конец ознакомительного фрагмента.	43

В. А. Пономаренко

**Электронное гражданское
судопроизводство в России:
штрихи концепции**
Монография

ebooks@prospekt.org

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемый читатель! Позвольте представить Вам оригинальную книгу молодого способного исследователя, кандидата юридических наук Василия Александровича Пономаренко.

Выпускник юридического факультета Российской таможенной академии В.А. Пономаренко в 2007 г. закончил очную аспирантуру Московской государственной юридической академии имени О.Е. Кутафина. В том же году он успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Мотивированность судебного решения в гражданском и арбитражном процессе». Несколько позднее в издательстве Санкт-Петербургского государственного университета его диссертация была издана в виде монографии.

Автор много и достаточно успешно практикует в арбитражных судах, знает и понимает многие трудности и проблемы этого важного звена российской судебной системы и предлагает оригинальные решения для преодоления некоторых из них.

Настоящая работа молодого ученого посвящена совершенно оригинальной проблематике. Автор ведет речь о том, что набирающая обороты информатизация общественной жизни не могла не затронуть и правосудие по гражданским делам. При этом теоретическое обеспечение инновационной

деятельности законодателя, уже внедрившего в арбитражный процесс некоторые элементы так называемого электронного правосудия, по существу отсутствует.

Наглядным подтверждением этой печальной констатации могут служить относительно недавно принятые Федеральные законы от 27 июля 2010 г. № 228-ФЗ и от 25 июня 2012 г. № 86-ФЗ, прогрессивное содержание которых основано не на последних достижениях отечественной науки гражданского процесса, а исключительно на иностранном опыте.

Учитывая масштабность происходящих социальных изменений в стране в целом, а также необходимость нахождения новых возможностей для оптимизации правосудия, гражданско-процессуальная доктрина не должна оставаться в стороне от решения новых и непривычных, но уже вошедших в залы судебных заседаний проблем электронного правосудия. Это вынуждает ученых искать новые методологические подходы к изучению привычных правовых материй.

Предлагаемая вниманию читателя книга представляет собой попытку молодого ученого ответить на ряд насущных вопросов, возникающих в процессе рассмотрения арбитражных дел. В течение последних десятилетий практика ставила их перед процессуальной наукой. Однако до настоящего времени большинство из них остаются без понятных практике научно обоснованных ответов.

Думается, что некоторые из содержащихся в монографии

теоретических выводов и практических предложений заслуживают внимания. Так, небезынтересными представляются вывод автора о необходимости унификации последствий нарушений компетенции судов общей юрисдикции и арбитражных судов, предложения о внедрении «внетерриториальной» подсудности так называемых электронных дел, их автоматического распределения между судами в режиме «одного окна» и некоторые другие.

Разумеется, далеко не все новаторские предложения автора относятся к числу бесспорных, что не в последнюю очередь обусловлено их новизной и необходимостью дальнейшей детальной проработки. Как это часто бывает, такого рода работы-первопроходцы подвергаются активной критике со стороны более консервативных коллег по процессуальному цеху. Впрочем, путь к истине в науке, как правило, проходит три этапа. От «этого не может быть» до «в этом что-то есть» и, наконец, «а разве может быть по-иному?».

Хочется пожелать книге, которую Вы держите в руках, а также ее автору счастливой судьбы. Вполне возможно, что далеко не все «революционные» предложения В.А. Пономаренко могут показаться коллегам достаточно обоснованными и реалистичными и на страницах юридической литературы он будет подвергнут корректной, но в то же время не «зубодробительной» критике. Но ведь именно благодаря конструктивной критике порой самые смелые новаторские идеи ученых-процессуалистов с течением времени не раз предста-

вали перед нами в качестве основополагающих теоретических догм.

*Доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации*
А.Т. Боннер

*Посвящая каждому,
кто неустанно ищет*

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, социальная действительность является колыбелью и питательной средой объективного права, почвой для его роста и развития. Процессуальное право в этом смысле не является исключением.

В то же время за последние три десятилетия социум претерпел фундаментальные изменения, которые в социально-философской литературе принято обобщенно именовать переходом к постиндустриализму или информатизацией общества¹.

Восприятие столь фундаментальных для частного права понятий и категории, как, например, собственность и владение, в наши дни изменяется более существенно, чем в любое время с тех пор, как шумеры впервые выдавили клинописные знаки в мокрой глине и назвали их запасенным зерном. При этом лишь сравнительно небольшое число людей придадут этому социальному сдвигу должное значение. Еще меньшее их количество являются юристами. И, наконец, весьма непросто предположить, какая часть последних имеет непосредственное отношение к гражданско-процессуальной доктрине.

В условиях революционных социальных метаморфоз цивилистическая процессуальная наука по-прежнему тяготеет

к эволюционному пути развития.

Прежде всего это касается используемой методологии: «известный нам теоретический инструментарий, который можно было бы приложить к изучению феномена процессуального взаимодействия, к сожалению, недостаточен, поскольку является весьма ограниченным (например, практически *игнорируя наличие информационных взаимодействий*, он дает в целом механическую картину «процессуального мира» (курсив мой. – В.П.)»².

Очевидно, что принятие насущных реалий информатизации общества за направляющую вектора научного познания было бы далеко не бесполезным, прежде всего с гносеологической, точки зрения.

Во всяком случае, именно так поступила философия науки, приняв на вооружение (под стать времени) коммуникативно-институциональный³, интеракционный⁴ и мыследеятельностный⁵ подходы, составляющие основу ее современного методологического арсенала. За ней последовала и общеправовая доктрина⁶.

Очевидно, что процессуальное право не должно оставаться в стороне. И как справедливо отмечается в теоретико-правовой литературе, начинать этот путь необходимо с установления и анализа проявлений информационной природы в процессуальных материях⁷.

Информация по своей природе такова, что ее нельзя по-

знавательно потрогать и поэтому трудно определить. Подобно таким фундаментальным явлениям, как свет и материя, она служит естественным обиталищем парадоксов. И в той же мере, в какой свет – это одновременно и волна, и частица, понимание того, чем является информация, выражается исследователями в абстрактном соотношении нескольких ее качеств: информация есть *форма жизни*⁸, информация есть *деятельность*; информация есть *отношение*.⁹

Развивая теорию информации, корифей современной комму-никативистики Грегори Бэйтсон охарактеризовал ее следующим образом: «Информация есть различие, которое создает различие».

Г. Шпренгер об этом писал: «каждый информационный акт, который одно лицо совершает в отношении "других", несет виртуальные управомочия на совершение соответствующего акта данным "другим" в отношении этого лица»¹⁰.

Как не вспомнить в этой связи теоретические положения об односторонне обязывающих волеизъявлениях М.А. Гурвича: «Любое процессуальное действие непременно затрагивает процессуальное положение дела в целом и, следовательно, также положение и интересы всех других лиц, участвующих в деле»¹¹.

Взявшись поразмышлять над этими материями, процессуалист вряд ли сможет удержаться и от других интуитивных аналогий. Так, осведомившись о том, что *информация*

– есть процесс устранения существующей (до ее получения) неопределенности¹², искушенный в вопросах гражданского процесса читатель, весьма вероятно сразу вспомнит о цели правосудия по гражданским делам, заключающейся, в числе прочего, в *устранении деструктивной для гражданского оборота правовой неопределенности*¹³.

Совершенствование средств социальной коммуникации, приведшее к беспрецедентному в истории человечества ускорению обмена информацией, не могло не изменить характера взаимодействия «человек-общество-государство». Это не могло не отразиться на гражданском судопроизводстве, представляющем собой одну из важнейших форм такого взаимодействия¹⁴.

Закономерным результатом этого процесса стала концепция «электронного правосудия»¹⁵, последовательно реализуемая в зарубежных процессуальных законодательствах с опорой на соответствующую доктринальную основу¹⁶.

Не стала исключением и Россия, в арбитражно-процессуальное законодательство которой в последние годы последовательно внедряются элементы электронного правосудия¹⁷.

Те или иные аспекты этого, только начавшего «произрастать» в отечественной законодательной почве, правового явления все чаще становятся объектом научного внимания российских процессуалистов¹⁸. Однако содержание имеющихся публикаций отечественных авторов свидетельствует

о том, что доктринальное осмысление перспектив электронного правосудия очевидно запаздывает. Стало не слишком хорошей традицией критиковать *введенные в действие* законодательные инновации вместо того, чтобы своевременно их направлять, наполняя научно обоснованным содержанием.

Показательным в этой связи представляется полное отсутствие фундаментальных монографических исследований тематики, связанной с информатизацией гражданского судопроизводства. Думается, это не в последнюю очередь обуславливает отставание России на пути к электронному правосудию в сравнении с иностранным опытом¹⁹.

Более того, в научной литературе до настоящего времени не выработано внятное представление о содержании понятия, обозначаемого термином «электронное правосудие», не предпринят обобщающий категориальный анализ этого общеупотребительного термина на предмет его методологической состоятельности и гносеологической перспективности.

Все это обусловило выбор автором темы настоящего скромного исследования, отнюдь не претендующего на всеохватность, бесспорность и окончательность.

* * *

По сложившейся в моих монографиях традиции с благодарностью воспользуюсь словами великого русского писателя Ф.М. Достоевского: «Я мог принять второстепенное за

главнейшее, даже совсем упустить самые резкие необходимые черты... А впрочем, вижу, лучше не извиняться. Сделаю, как умею, и читатели сами поймут, что я сделал лишь как умел»²⁰.

*Технология в союзе с гуманитарными науками дает результат,
который заставляет сердца петь.
Стивен Джобс*

Глава I

ПРЕДПОСЫЛКИ ВНЕДРЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ И ЕГО СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

§ 1. Теоретические предпосылки внедрения электронного гражданского судопроизводства в России

Встречающиеся в литературе немногочисленные попытки определить этимологические границы термина «электронное правосудие», как правило, сводятся к перечислению сфер судебной деятельности, институтов в которых действующее арбитражно-процессуальное законодательство допускает применение электронных технологий.

Так, размышляя об электронном правосудии, И.И. Черных пришла к следующему выводу: «Предпочтительней позиция авторов, которые подразумевают под *электронным правосудием* целую систему разрешения споров, которая *может* включать в себя такие элементы: *руководство* процессом и судебным разбирательством; *оборот судебных документов*; *доступ к судебной информации*; *судебные извещения*; *правовой поиск*; *внутренние судебные процедуры* (курсив мой. – В.П.)»²¹.

Примечательно, что процитированную точку зрения ее автор «приписал» В.В. Яркову, сославшись на его статью об электронном правосудии²².

Вместе с тем содержание самой статьи уважаемого профессора свидетельствует, что, перечисляя задействованные И.И. Черных элементы, В.В. Ярков вряд ли преследовал цель дать определение «электронного правосудия». Ученый вел речь о направлениях модернизации судопроизводства (отдельных процессуальных институтах). Он пишет: «Отечественный судебный процесс нуждается в *технологической модернизации*, которая позволит осуществлять его более эффективно с точки зрения достижения целей правосудия. *Электронная система разрешения споров* (курсив мой. – В.П.) может включать в себя такие элементы...»,²³ – и дает их перечень, с которым согласилась И.И. Черных.

Таким образом, налицо попытка последнего из названных

авторов отождествить понятия «электронная система разрешения споров» и «электронное правосудие».

Подобный, упрощенный, подход к понимаю электронного правосудия видится одним из методологических препятствий его дальнейшей доктринальной разработки и законодательного усовершенствования.

Значение второго (основного) из составляющих рассматриваемый термин слов – «правосудие» – свидетельствует о необходимости включения в содержание обозначаемого им понятия *процессуальных действий суда по осуществлению правосудия*.

Несмотря на то что состав таких действий в процессуальной науке остается предметом дискуссии²⁴, можно с уверенностью утверждать, что перечисленные В.В. Ярковым (и вслед за ним – И.И. Черных) институты *не относятся к действиям суда по осуществлению правосудия*²⁵. Скорее они имеют организационно-обеспечивающее значение для собственно правосудной деятельности.

Субъектами таких (обеспечительных) действий является не только суд, но и лица, участвующие в деле и содействующие правосудию. Следовательно, определяя «электронное правосудие», в содержание этого понятия необходимо включать процессуальную деятельность всех участников процесса.

По мнению автора, **под электронным правосудием следует понимать такой судебно-юрисдикцион-**

ный порядок рассмотрения гражданских дел, который всецело (включая совершение всех необходимых процессуальных действий) опосредуется электронной формой выражения (закрепления) процессуальной информации и взаимодействия участников гражданского судопроизводства.

Именно такой подход реализован за рубежом²⁶ и последовательно осуществляется в России применительно к деятельности органов исполнительной власти²⁷. К этому же стремятся и идеологи модернизации арбитражного процесса²⁸.

Продемонстрированный нами ранее «ограничительный» подход к определению электронного правосудия, являющийся весьма распространенным в отечественной литературе²⁹, вряд ли можно признать гносеологически перспективным.

Идею электронного правосудия необходимо развивать в качестве *правовой инновации*. А всякая инновация – «это всегда результат творческой интеллектуальной деятельности человека, основанный на *новых идеях, изобретениях, открытиях* и т. д. (курсив мой. – В.П.)»³⁰.

Ограничение содержательных границ подлежащего изучению правового явления (предмета исследования) препятствует познавательному движению вперед, поскольку не только безосновательно ограничивает пространство для на-

учного поиска, но и (что принципиально важнее) *изменяет само направление научной мысли*. Вместо очевидно необходимого в данном случае перспективно-созидательного (если угодно – футуристического) предпринимаемый соответствующими авторами анализ становится ретроспективно-деструктивным и не имеет шансов в качестве своего результата возыметь что-либо, кроме критики.

Так, столкнувшись с необходимостью теоретического осмысления принципиально новых электронно-информационных социальных (в том числе судопроизводственных) реалий, отдельные процессуалисты приходят к не слишком обнадеживающим выводам: *«В настоящее время все изменения процессуального законодательства, направленные на установление «е-правосудия» и «е-процесса», содержат нормы, касающиеся формы, но не содержания. Другими словами, официально восхваляемая «модернизация» правосудия зачастую обозначает лишь попытку заменить или дополнить законодательно закрепленные формы искового заявления, отзыва на исковое заявление и иных процессуальных документов. Это показывает нам, что такие «модернизаторы» – просто «формализаторы» которые обращают внимание только на форму, а не на содержание, которое само по себе нуждается в изменении (курсив везде мой. – В.П.)»³¹.*

Свою критическую позицию цитируемый автор обосновал весьма неожиданно: *«уже сейчас такие тенденции развития создают для нас, процессуалистов, сложные теорети-*

ческие и практические проблемы. Например, продолжающаяся электронификация судебных процедур, в том числе ее закрепления в законодательных актах, заставляют пересмотреть практически все знакомые нам процессуальные принципы: принцип доступа к правосудию, принцип права на информацию, принцип непосредственности, принцип проведения прений, принцип участия в судебных заседаниях, принцип гласности, принцип эффективности и др. (курсив везде мой. – В.П.)»³².

Подобную критику в адрес зарождающейся концепции электронного правосудия следует признать преждевременной и поэтому необоснованной. Очевидно, что ее первопричиной является ограничительное истолкование содержательных границ правового явления, которому дана критическая оценка.

Возражая такому подходу, полагаю возможным привести следующие аргументы.

Во-первых, текущая стадия внедрения электронного правосудия является исходной (по существу пробно-экспериментальной) и не позволяет сколько-нибудь обстоятельно оценивать эффективность *планируемого* процессуального нововведения на практике. Следовательно, изучение электронного правосудия на данном этапе следует начать с его *теоретического моделирования*. Поскольку анализ характеристик сущего пока еще невозможен, необходимо сформировать его «рациональную модель» (должное), которую впо-

следствии с определяемой важностью «эксперимента» осторожностью внедрять в практику.

Применительно к правовому аспекту современного инновационного процесса в научно-методологической литературе справедливо отмечается: «Юридическая норма через систему прав и обязанностей (категорий возможного, должного и запретного) отражает либо уже сложившиеся общественные отношения, подлежащие правовой организации, либо *отношения, которые законодателем предполагает создать с учетом нуждаемости общества в таких отношениях*. Вторых вообще намного меньше, но в инновационной сфере, наоборот, они преобладают, что имеет весьма любопытную диалектическую связь: *инновационные отношения, которые принято связывать в большей степени с технико-технологической сферой, являются новыми, не основанными на должном экономическом и правовом опыте, требуют новых подходов (средств, способов) к регулированию в экономике и праве и тем самым создают инновационные изменения в структуре самих экономики и права как институтов регулирования*»³³.

Во-вторых, автор приведенной выше критической оценки полагает, что признаваемые им *«тенденции развития создают для нас, процессуалистов, сложные теоретические и практические проблемы* (курсив мой. – В.П.)».

Хочется задать ему закономерный вопрос: с каких пор необходимость научного осмысления очевидных тенденций

развития социально-правового явления стала *проблемой* для ученых, призванных как раз изучать соответствующую сферу жизни общества? Думается, если такого рода обстоятельства и могут быть названы проблемой, то лишь в научном смысле – предмета исследования. И относится эта «проблема» к той немногочисленной категории, возникновению которых ученому впору радоваться.

Из приведенных выводов указанного автора охотно согласимся лишь с одним. **Ставшее законодательной реальностью внедрение электронной формы закрепления процессуальной информации требует научно обоснованной модернизации (оптимизации) судебной процессуальной формы применительно к нуждам будущего электронного правосудия.**

Работа в этом направлении представляется первостепенной задачей российской науки гражданского процесса и уже ведется³⁴.

Приходя к аналогичному выводу, Л.А. Терехова констатирует: «Новые технологии заставят коренным образом изменить гражданское судопроизводство, пересмотреть некоторые традиционные процессуальные принципы. Фактически *речь идет об изменении привычной и устоявшейся судебной процедуры и самой процессуальной формы*, традиционно считавшейся универсальным инструментом для рассмотрения дел любых категорий (курсив мой. – В.П.)»³⁵.

И наконец, **в-третьих**, полагаем возможным возразить П.

Гиллесу следующим образом.

Как правильно отметил сам названный автор, внедрение электронно-коммуникационных технологий в национальную судопроизводственную деятельность уже сейчас без преувеличения может быть признано *тенденцией*, общераспространенной мировой законодательной практикой.

Очевидно, что столь масштабно реализуемое правообразование не может не иметь своих объективных причин – предпосылок. Иными словами, оно *закономерно*.

В этой связи утверждать его практическую бесперспективность более чем спорно. По существу, это равнозначно отрицанию социальной и гносеологической ценности в любом ином проявлении человеческого прогресса. Очевидно, что последний движим, как раз, противниками такого (скептического) подхода к его научному познанию³⁶.

Учитывая, что вопрос **о предпосылках внедрения «электронного правосудия» в гражданское судопроизводство** ранее не получал освещения в отечественной литературе, уделим ему должное внимание.

Итак, мы являемся свидетелями законодательного оформления новых процессуально-правовых институтов, обусловленных потребностями практики. Последнее обстоятельство подтверждается, в частности, тем, что некоторые из нововведений еще до своего признания законодателем стали обыкновением повседневной судебной-арбитражной практики; некоторые из них достаточно давно получили официаль-

ное признание на уровне разъяснений Высшего Арбитражного Суда России³⁷.

Использование в повседневной практике правовых институтов еще до их «легализации» свидетельствует о *закономерности* правообразовательного процесса, свидетелями которого, применительно к АПК, мы являемся.

Таким образом, **внедрение в арбитражное процессуальное законодательство элементов «электронного правосудия» является формальным проявлением объективного процесса правообразования.**

Следовательно, предпосылки внедрения «электронного правосудия» следует рассматривать в качестве правообразующих факторов, методологический инструментарий выявления которых относится к предмету ведения общей теории права и социальной философии.

Фактор – это причина, движущая сила какого-либо процесса, определяющая его характер и отдельные его черты.

Общим среди них является их *социальный характер*, что вполне объяснимо, ведь «социальная стихия – колыбель и жизненная среда права»³⁸. Именно в недрах общественной жизни зарождается тот естественный организующий порядок, который впоследствии оформляется законодателем³⁹.

Социальный правообразующий фактор – «явление общественной жизни, воздействующее в той или иной форме на выявление потребности в правовом регулировании, на раз-

работку, принятие, изменение или отмену закона и, в конечном счете, на его содержание»⁴⁰.

В литературе обоснованно подчеркивается, что действие социальных факторов правообразования характеризуется их *системностью*⁴¹.

К правообразующим факторам современная наука относит: политико-правовой, экономический, демографический, идеологический, а также ряд обеспечительных факторов, среди которых информационный и научный⁴².

Интересно отметить, что современное развитие средств социальной коммуникации отразилось и на самом учении о правообразовании. Оно обладает существенной новизной по сравнению с доктриной советского периода. Так, в рамках нового подхода «в дополнение к категории «общественных отношений» более активно выступает категория «*взаимодействие*» как «универсальная» в плане познания социальных (и правовых) явлений (курсив мой. – В.П.)»⁴³.

Приведем краткую характеристику правообразующих факторов применительно к внедрению законодателем электронного правосудия.

Значительную их часть можно объединить в рамках единого комплексного (совокупного) фактора: **формирование в России информационного общества.**

Прежде чем перейти к характеристике конкретных проявлений этого процесса в современной российском обществе

целесообразно в двух словах остановиться на существе научной концепции информационного общества, весьма точно, как показало время, очертившей его ныне существующие и ожидаемые социальные контуры.

Впервые в достаточно отчетливом виде эта социально-философская идея была сформулирована в конце 60-х – начале 10-х гг. XX столетия⁴⁴. Изобретение самого термина «информационное общество» приписывается профессору Токийского технологического института Ю. Хаяши. При его научной поддержке контуры информационного общества были обрисованы в отчетах, представленных японскому правительству рядом государственных организаций: Агентством экономического планирования («Японское информационное общество»); Институтом разработки использования компьютеров («План информационного общества»); Советом по структуре промышленности («Контуры политики содействия информатизации японского общества»).

И. Масуда, глава Института информационного общества и один из авторов японского варианта его концепции, определял информационное общество как «такое, где процесс компьютеризации даст людям доступ к надежным источникам информации, избавит их от рутинной работы, обеспечит высокий уровень автоматизации производства. При этом, – писал он, – изменится и само производство – продукт его станет более "информационно емким", что означает увеличение доли инноваций, дизайна и маркетинга в его стоимости;

производство информационного продукта, а не продукта материального будет движущей силой образования и развития общества»⁴⁵. Таким образом, концепция информационного общества разрабатывалась прежде всего для решения задач экономического развития.

Аналогичная по своему содержанию концепция постиндустриализма получила толчок к развитию после выхода в свет книги Д. Белла «Наступление постиндустриального общества. Опыт социального прогноза». Существо объекта своего исследования автор названной книги охарактеризовал в следующих словах: «происходящие в середине XX в. изменения в социальной структуре свидетельствует о том, что индустриальное общество эволюционирует к постиндустриальному, которое и должно стать определяющей социальной формой XXI в. Существенной характеристикой нового постиндустриального общества явится уже возникшая новая интеллектуальная технология, используемая в принятии управленческих решений. К концу XX в. она будет играть столь же выдающуюся роль с человеческих делах, какую играла «машинная» технология в прошедшие полтора века. Интеллектуальная технология предполагает использование алгоритмов как правил решения проблем в замен интуитивных суждений. Эти алгоритмы *могут быть реализованы в автоматической машине, в компьютерной программе или в наборе инструкций*, основанных на некоторых формулах. Интеллектуальная технология таким образом связа-

на с использованием математической (статистической) или логической техники при работе с «организационной сложностью», в качестве которой могут быть рассмотрены различные, в том числе *социальные*, организации и системы. Если *роль «мастера»* в интеллектуальной технологии играет *новая теория принятия решений* (применительно к гражданскому судопроизводству, читай – новая процессуальная форма. – *В.П.*), то *роль «инструмента»* выполняет *компьютер*. Именно он позволяет выполнять значительное число операций в течение короткого интервала времени и делает возможным развитие интеллектуальной технологии (курсив везде мой. – *В.П.*)»⁴⁶.

Неудивительно, что предложенная Д. Беллом новаторская концепция постиндустриального (информационного) общества, получила полагающуюся в таких случаях дозу критики со стороны теоретиков-консерваторов⁴⁷. Это, однако, только помогло ей «отфильтроваться» в научной дискуссии и тем самым получить стимул к развитию в ходе дальнейших фундаментальных исследований⁴⁸.

Ее развитие продолжается и сегодня, в том числе в российской науке⁴⁹.

Анализ последних достижений зарубежных и отечественных разработчиков концепции информационного общества позволяет выделить его характерные черты (проявления, аспекты).

С точки зрения современной социальной философии, информационное общество – это совокупность диалектически взаимосвязанных элементов технологического, экономического, политического, правового и социального характера⁵⁰.

Технологический аспект подчеркивает, что данный тип общества характеризуется информатизацией всех сторон его жизнедеятельности, являющейся следствием научно-технической революции, коренной трансформации производительных сил на основе научного знания.

Экономический аспект проявляется в том, что информация и знания выступают экономическим ресурсом, производительной силой и стимулом развития материального производства.

Политический аспект выражается в реорганизации процесса политического взаимодействия государства и граждан посредством интерактивного диалога на базе информационных технологий и максимальной прозрачности для общественности содержания, механизма и мотивов принятия управленческих решений на всех уровнях власти.

Социальный аспект информационного общества подразумевает, что главным условием благополучия членов такого общества становится знание, полученное посредством беспрепятственного доступа к единому трансграничному информационному пространству и умения с ним работать. При этом в процессе производства, обработки и выдачи информации заняты большинство членов общества.

Наконец, *правовой* аспект заключается в увеличении роли законодательных актов, обеспечивающих жизнедеятельность общества знаний, в которой существенно возрастает значение информационных и телекоммуникационных технологий, их интенсивное использование всеми субъектами коммуникативной деятельности; в том числе в сфере социального управления⁵¹.

Кратко охарактеризуем реальное (фактическое) проявление каждого из концептуальных аспектов информационного общества в современной российской действительности. Как было отмечено, именно они являются конкретными *правообразующими факторами* (в пределах выделенного нами общего – генезиса информационного общества), определяющими необходимость наблюдаемого внедрения элементов «электронного правосудия».

Первым из таких факторов является стремительное технологическое развитие средств коммуникации и обработки информации (**коммуникативно-технологический фактор**).

С каждым днем все более ощутима роль информационно-коммуникационных технологий и особенно – Глобальной информационной сети «Интернет» (далее – Интернет) в жизни общества.

Современная повседневность россиянина не оставляет сомнений в том, что Интернет – это не просто глобальная сеть (объединение локальных сетей), но и социальная струк-

тура, объединяющая разных пользователей со всего мира, которыми на равных началах являются граждане, организации и государства.

В литературе эту среду нередко именуют «киберпространством»⁵². Данный термин помогает осознать Интернет как «новую форму пространства, не отвечающую материальным характеристикам, но позволяющую осуществлять в ней (либо с ее помощью) различные действия, которые могут иметь реальные последствия»⁵³.

Термин киберпространство используется преимущественно иностранными специалистами. В трактовке Верховного Суда США киберпространство представляет собой «уникальную среду, не расположенную в географическом пространстве, но доступную каждому в любой точке мира, посредством доступа в Интернет»⁵⁴.

Современный Интернет предоставил российским пользователям уникальные, не имеющие аналогов по своей универсальности, возможности, включая качественно новый (онлайн) режим коммуникации с институтами государственной власти, взаимный информационно-потребительский обмен.

Открывшиеся возможности электронно-документального оборота посредством Интернета открыли новую эру в развитии гражданского оборота⁵⁵, отразились на содержании самого гражданского законодательства⁵⁶, а теперь – и на обслуживающем их процессуальном праве (пока только примени-

тельно к АПК).

По некоторым данным, пользователями Интернета в России являются 48 % населения. Этот показатель является «усредненным» и постоянно растет. В Москве Интернетом пользуется уже 68 % населения, в Санкт-Петербурге – 11 %⁵⁷. По прогнозам экспертов к 2016 г. средняя цифра по стране составит 10 % населения⁵⁸.

Разумеется, столь внушительные цифры заставили государство в лице его органов «выйти в сеть» для удовлетворения коммуникативного спроса населения посредством онлайн реализации своих функций, причем на самых разных уровнях власти⁵⁹. В последнее время эта тенденция принимает столь очевидные формы, что начинает относиться к деятельности внешне ориентированных⁶⁰ и даже некоторых «закрытых» ведомств⁶¹.

Характерно, что внедрение в жизнь российского общества, казалось бы, чисто коммуникативно-технологического по своей природе явления – Интернета – изменило политическую реальность в стране⁶².

Технологический правообразующий фактор диалектически связан с иными, включая политический, к характеристике которого мы переходим.

Политический правообразующий фактор внедрения электронного правосудия выражается в проявлении последствий реализации концепции «электронного государ-

ства» («E-Government») ⁶³.

В посвященных этой проблеме современных исследованиях констатируется: «Сегодня происходит ценностная переориентация в отношениях власти и человека. Если на предшествующих этапах развития отсчет шел от государства к человеку, то теперь обозначился новый подход: истинным моментом становится человек. В числе интересов личности в информационном обществе – полноценный процесс интерактивного взаимодействия граждан с государственными органами власти при оказании последним государственных услуг» ⁶⁴.

Электронные сервисы меняют природу отношений между гражданами и государством. Однако их использование «влечет за собой изменения и на более глобальном уровне и затрагивает отношения в обществе в целом. Использование государством новых моделей предоставления услуг населению ставит новые задачи перед существующими социальными институтами» ⁶⁵.

Начало реализации концепции «электронного государства» было ознаменовано учреждением портала www.Gosuslugi.ru. В настоящее время его автоматизированными пользователями являются 1,4 млн человек. Это число растет на 100 тыс. ежемесячно и к 2015 году должно превысить 5 млн человек ⁶⁶.

Это свидетельствует о том, что «электронное государ-

ство» в России находится в стадии становления. Видимо, поэтому самое его понятие с должной однозначностью пока не определено. Справедливости ради отметим, что по этой же причине правовое содержание электронного государства не сформировано окончательно и в иностранных национальных законодательствах, и в доктрине⁶⁷.

Слово «электронное» условно обозначает новые информационно-коммуникативные каналы связи государственных органов и граждан.

В некоторых странах определение электронного государства все же закреплено в законе. Так, согласно Закону США «Об электронном государстве» 2002 г. под этим термином понимается «использование государством Интернета и других информационных технологий в целях расширения доступа общественности, агентств, других государственных структур к государственной информации и службам, для повышения эффективности и качества работы»⁶⁸.

Согласно «Концепции формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года»⁶⁹, *электронное правительство* (более узкое по своим границам и содержанию понятие, относящееся только к исполнительной власти. – *В.П.*) определяется как новая форма организации деятельности органов государственной власти, обеспечивающая за счет широкого применения информационно-коммуникационных технологий качественно новый уро-

вень оперативности и удобства получения гражданами государственных услуг и информации о результатах деятельности государственных органов.

Отечественная правовая доктрина в осмыслении этого понятия придерживается подхода, предложенного в зарубежной литературе. При этом предпочтительной видится позиция тех авторов⁷⁰, которые не сводят это явление к одной лишь его технической составляющей – электронной инфраструктуре государства⁷¹.

Однако независимо от разницы подходов к понятию, все исследователи солидарны в том, что «электронное государство» формируется при переходе общества к постиндустриальному развитию, когда происходят его качественные изменения. Их можно сопоставить с теми изменениями, которые происходили в государственном управлении при переходе от доиндустриального к индустриальному периоду общественного развития. В обоих случаях государство вынуждено расширять свои социально-сервисные функции.

Специалистами прогнозируется изменение характера взаимодействия личности и государства: «Информационное общество, основанное на безусловной значимости каждого своего участника и актора, отрицает директивное управление, которое заведомо включает взаимодействие в рамках властного административного неравенства и подавляет свободу, естественное движение и становление информацион-

ного пространства»⁷².

Из этого, применительно к предмету исследования, можно сделать следующий вывод: реализация в России концепции «электронного государства» не может не отразиться на субъективном представлении личности о социальном статусе судебной власти, осуществляемой в гражданском судопроизводстве.

Можно спрогнозировать изменение восприятия судебной власти лицами, обращающимися за судебной защитой. Получив принципиально новые технико-технологические и формально-процессуальные средства обращения в суд, заявители начинают воспринимать деятельность последнего в «горизонтальном» ракурсе (вместо прежнего «вертикально-административного»)⁷³.

Психологически это вполне объяснимо, ведь в условиях электронного обращения в суды и дальнейшего онлайн разбирательства дела «управляющий и управляемый находятся в одном информационном потоке, не устанавливая личных отношений. управление происходит через общую цель (горизонтального) взаимодействия»⁷⁴.

В результате распространения *сервисной* составляющей концепции электронного государства не только на исполнительную, но и на судебную власть⁷⁵, в условиях формирующегося в России электронного государства, **электронное правосудие по гражданским делам в обозримом**

будущем будет обладать многими признаками *государственной услуги*, являющейся обязанностью суда и подлежащей оказанию на должном качественном уровне в соответствии с процессуальным регламентом ее осуществления⁷⁶.

Очевидно, что все подобные концептуальные изменения не могут не отражаться на содержании самого этого регламента – процессуальном законодательстве и судебной процессуальной форме.

Нет сомнений в том, что очевидцами этого процесса применительно к арбитражному процессуальному законодательству мы являемся.

Экономический правообразующий фактор внедрения электронного правосудия в самых общих чертах сводится к следующему.

В современной России информация постепенно становится основным ресурсом и производительной силой товаров и услуг. Это свидетельствует о формировании информационного сектора экономики, который характеризуется более быстрым ростом, чем производственный.

Беспрецедентное в истории человечества ускорение информационного обмена влечет за собой увеличение интенсивности гражданского оборота, который все в большей степени опосредуется виртуальным способом взаимодействия субъектов.

Следствием этих процессов стало существенное увеличе-

ние доли «электронных сделок» – трансакций, не предполагающих непосредственного взаимодействия сторон и «бумажного» оформления. Их денежное исполнение в большинстве случаев также осуществляется посредством мгновенных безналичных перечислений, а реальное – контролируется в режиме онлайн.

Сроки исполнения договорных обязательств сократились в сотни раз и в ряде случаев измеряются секундами⁷⁷.

Эта тенденция в числе прочих видится автору основной причиной чрезмерного увеличения количества гражданских споров, которые современная судебная система просто не в состоянии «переварить» без ущерба качеству.

При этом последние данные дают основания прогнозировать увеличение доли онлайн-экономической активности в России: «Все чаще Интернет используется не только для решения чисто информационных задач, но и для совершения покупок, осуществления платежей и т. д. Интернет-экономика в России растет быстрее, чем в других странах «большой двадцатки»: на 18,3 % в год. Одним из главных драйверов онлайн-сегмента экономики страны BCG (Boston Consulting Group. – *В.П.*) считает рост аудитории рунета: по прогнозам компании, в 2016 г. доступ к глобальной сети (в России. – *В.П.*) будут иметь 100 млн человек. Кроме того, позитивный эффект дает улучшение качества интернет-каналов: их ширина дает возможность развиваться разнообразным мультимедийным сервисам и цифро-

вой дистрибуции контента. По мнению экспертов, объемы онлайн-бизнеса будут увеличиваться даже при небольшом росте числа пользователей»⁷⁸.

Таким образом, Интернет стал экономической средой. Сетевая форма ведения бизнеса быстрыми темпами интегрируется в коммерческую повседневность.

Это не может не отразиться на количестве и, конечно, *характере* имущественных споров, связанных со сделками-транзакциями.

Самостоятельным мощным фактором ускорения гражданского оборота и его «электронизации» является активное развитие в коммерческой практике электронного документооборота. Происходит отказ от бумажных «фиксаторов» условий сделок в пользу более удобных и мобильных – электронных носителей.

Развитие регламентирующего эту сферу общественных отношений законодательства⁷⁹ обеспечивает возможность удостоверить коммерческую информацию посредством электронной цифровой подписи, что позволяет не только расценивать электронные документы как способ оформления сделок, но и использовать их в качестве доказательств в суде. Именно поэтому правовые аспекты электронного документооборота в последние годы находятся в центре научно-прикладного внимания юристов⁸⁰.

Несмотря на отмечаемые в литературе проблемы право-

вого регулирования этой сферы⁸¹, нет сомнений в том, что электронный коммерческий оборот будет увеличиваться в масштабах, что не может не сказаться на процессуальных средствах защиты прав его участников.

Таким образом, вектор развития российской экономики не оставляет сомнений в целесообразности модернизации гражданского судопроизводства в целях приведения его в соответствие с реалиями обслуживаемого им гражданского оборота.

Не оставляет таких сомнений и **правовой фактор** формирования информационного общества в России.

Отмеченные ранее системность и диалектическая взаимосвязь всех социальных правообразующих факторов всецело проявляются применительно к процессу модернизации гражданского судопроизводства посредством внедрения в него элементов «электронного правосудия».

Характерным примером является «генетически» свойственная взаимообусловленность экономического и правового факторов.

Применительно к инновационной проблематике в теоретико-методологической литературе на этот счет справедливо отмечается: «Конкретные *способы и средства структурирования экономических отношений* в инновационной сфере в *юридические права и обязанности* зависят от характера инновационных отношений, которые очень разнообразны и потому требуют индивидуального подхода. Очевидно,

что в процессе структурирования важно учитывать интересы и экономики, и *правоведения*, использовать *единую методологию и категориальный аппарат*. Основным представляется такой *общий порядок действий* для всей инновационной сферы, при котором первоначально осуществляется конструирование *экономической модели регулируемых отношений*, а затем уже *экономическая модель перестраивается в юридическую* (курсив везде мой. – В.П.)»⁸².

«Электронизация» экономической модели общества отражается не только на обслуживающих ее правовых конструкциях, но и на *самом правопонимании*.

Ю.В. Тихонравов убедительно объясняет это следующим образом: «Объективное право как совокупность норм и правил, устанавливающих жесткий стандарт регулирования социальных отношений, *не является универсальной завершенной конструкцией*, эта модель, *адекватная социальной системе на определенном этапе развития*, но принципиальное изменение системы, ей переход на новый уровень развития, предполагает осознание и *смену существующей модели также на принципиально новую* (курсив везде мой. – В.П.)»⁸³.

Не остается в стороне от процесса формирования нового правопонимания и охарактеризованным выше политический фактор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.